

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	11
От составителя	14

Годы юности и молодости

Буткевич Татьяна Андреевна	27
Полуэктова Надежда Владимировна, урожденная Разевиг	82
Гусев Николай Николаевич	89
Пастернак Борис Леонидович	93
Эллис	95
Фудель Сергей Иосифович	97
Сидоров Алексей Алексеевич	109
Шервинский Сергей Васильевич	119
Печковский Александр Петрович	121
Морозова Маргарита Кирилловна	123
Рачинский Григорий Алексеевич	126
Булгаков Сергей Николаевич	128
Метнер Николай Карлович	133
Митрополит Вениамин (Федченков)	135

Ученики

Самарин Георгий Александрович	143
Сабуров Андрей Александрович	151
Угримов Александр Александрович	156
Пигарёв Кирилл Васильевич	158
Ильинский Игорь Владимирович	161

Оптина пустынь и служение священником

Сидоров Сергей Алексеевич, протоиерей	169
Комиссарова Ирина Алексеевна	174
Отт Владимир Васильевич	179
Пришвина Валерия Дмитриевна	188
Фудель Сергей Иосифович	190
Степун Федор Августович	191
Фальк Роберт Рафаилович	193
Трифановский Дмитрий Семенович	194

Первый арест 1922 г. и челябинская ссылка

Из архивного следственного дела

С. Н. Дурылина 1922 года	198
Челябинская ссылка	201
Комиссарова Ирина Алексеевна	204
Боже Владимир Стейгонович	207
Горохов Иван Гаврилович	212
Галицкая Евгения Александровна	214
Булгаков Сергей Николаевич	217
Сидоров Сергей Алексеевич	219
Фудель Сергей Иосифович	223
Фальк Роберт Рафаилович	226

Между ссылками

Нестеров Михаил Васильевич	232
Чулков Георгий Иванович	235
Пришвина Валерия Дмитриевна	236
Ефимов Георгий Борисович	238
Волошин Максимилиан Александрович	246
Перцов Петр Петрович	249

Второй арест и томская ссылка

Из архивного следственного дела

С. Н. Дурылина 1927 года	254
--------------------------------	-----

Томская ссылка	256
Комиссарова Ирина Алексеевна	260
Славнин Витольд Донатович	267
Нестеров Михаил Васильевич	273
Фальк Роберт Рафаилович	274
Метнер Николай Карлович	275
Волошин Максимилиан Александрович	278
Богаевский Константин Федорович	285
Пастернак Борис Леонидович	289
Гениева Елена Васильевна	290

Киржач

Комиссарова-Дурьлина Ирина Алексеевна	300
Макашин Сергей Александрович	306
Панов Сергей Игоревич	308
Волошин Максимилиан Александрович	309
Богаевский Константин Федорович	310
Нестеров Михаил Васильевич	313
Пастернак Борис Леонидович	314
Гениева Елена Васильевна	315

Москва. Болшево

Комиссарова-Дурьлина Ирина Алексеевна	326
Гиляровский Владимир Алексеевич	333
Богаевский Константин Федорович	334
Фудель Сергей Иосифович	337
Фальк Роберт Рафаилович	342
Нестеров Михаил Васильевич	343
Перцов Петр Петрович	345
Ильинский Игорь Владимирович	347
Пастернак Борис Леонидович	349
Названов Михаил Михайлович	353
Шаборкина Татьяна Григорьевна	356
Берковская Елена Николаевна	361

Крашенинникова Екатерина Александровна	371
Голицын Сергей Михайлович	376
Ковалев Владислав Антонович	383
Галкин Алексей Петрович	389
Лошкарева Мария Николаевна	416
Бобринская Вера Сергеевна, урожденная Сидорова	424
Ефимов Георгий Борисович	426
Полуэктова Надежда Владимировна, урожденная Разевиг	433
Морозова Маргарита Кирилловна	436
Перельмутер Вадим Гершевич	438

**Воспоминания сослуживцев
и товарищей по работе**

Гудзий Николай Каллиникович	441
Гусев Николай Николаевич	448
Сабуров Андрей Александрович	451
Пигарёв Кирилл Васильевич	455
Дмитриев Юрий Арсеньевич	461
Кузьмина Вера Дмитриевна	466
Зограф Николай Георгиевич	468
Бояджиев Григорий Нерсесович	470
Грабарь Игорь Эммануилович	472
Дружинин Николай Михайлович	475
Розанов Иван Никанорович	481
Щепкина-Куперник Татьяна Львовна	482

**Воспоминания
театральных деятелей**

Турчанинова Евдокия Дмитриевна	485
Яблочкина Александра Александровна	491
Обухова Надежда Андреевна	493
Таиров Александр Яковлевич	496

Киев

Прахов Николай Адрианович	500
Тернюк Петр Иванович	513

Последние годы

Монах Варфоломей (Чернышев)	521
-----------------------------------	-----

Эпилог

Комиссарова-Дурылина Ирина Алексеевна	557
---	-----

ОТ РЕДАКЦИИ

Материалы в сборнике расположены хронологически и объединены в соответствующие главы. Поэтому тексты людей, чьи воспоминания отражают несколько этапов жизни Дурылина, разбиты по главам. Таким образом, у читателя складывается довольно цельное представление обо всем пути Дурылина в потоке времени.

Все биографические справки (набраны курсивом) и сопровождающие тексты в начале ряда глав сделаны составителем, так же как и постраничные примечания. Они не оговариваются, в отличие от примечаний авторов воспоминаний, которые специально отмечены. В воспоминаниях Т. А. Сидоровой (Буткевич), расположенные ею самой после текста, в настоящем издании они сделаны постраничными для удобства читателей. Все примечания в воспоминаниях монаха Варфоломея принадлежат ему и не оговариваются.

Краткие дополнения к основным текстам воспоминаний, а также уточнения к постраничным примечаниям авторов сделаны составителем и заключены в квадратные скобки.

Имена и недописанные слова раскрываются при необходимости.

Лексика, орфография и синтаксис в приводимых документальных текстах оставлены без изменений, за исключением очевидных опечаток, возникших, скорее всего, при расшифровке.

Благословенны те, кто любовью и дружбой
облегчал путнику его извилистый путь!¹

С. Н. Дурьлин

Большие люди не имеют даты смерти.
Они обладают необыкновенной силой
жизни и живут в памяти всех, кто с ними
так или иначе встретился².

Н. И. Либан

¹ Запись Дурьлина 1940 г. в его альбоме с зеленой обложкой. РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 276. С. 313–314. Микрофильм (далее: зеленый альбом). В этом альбоме многие годы оставляли свои записи друзья, ученики, знакомые Сергея Николаевича.

² Либан Николай Иванович. Русская литература: Лекции. Беседы. Заметки. Из архива. Слово о Николае Ивановиче Либане / Сост., подгот. текста В.Л. Харламова-Либан. Т. 4. М.: Водолей, 2020. С. 246.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Воспоминания, составляющие этот сборник, отражают почти весь жизненный путь С. Н. Дурылина. Личность Сергея Николаевича во всей ее сложности, противоречиях, нелегкой судьбе открывается изнутри, в разных ракурсах увиденная глазами учеников, товарищей по работе и сослуживцев-ученых, друзей и духовных детей. Слова Дурылина, которыми он подвел итог записям друзей в его зеленом альбоме, можно с полным правом отнести к опубликованным здесь воспоминаниям. Если бы он прочитал их, его реакция была бы такая же. «Сколько любви и дружбы запечатлено на этих же страницах, — любви и дружбы, подвергавшихся многим испытаниям и выдержавших эти испытания! Все эти записи, рисунки, письма — только вехи жизненного пути, но, идя по ним в памяти сердца, я, пряча слезы, шепчу про себя: „Благословенна жизнь! Благословен путь, несмотря на все падения неумелого, торопливого путника! Благословенны те, кто любовью и дружбой облегчал путнику его извилистый путь!“»

Большинство подробных и объемных воспоминаний в этом сборнике написано авторами по просьбе И. А. Комиссаровой-Дурылиной после смерти Сергея Николаевича. Стенограммы выступлений сослуживцев Дурылина на вечерах по случаю годовщины его памяти 12 и 15 декабря 1955 года в Доме ученых и в Институте истории искусств АН СССР отредактированы авторами и переданы Ирине Алексеевне. Все воспоминания были выверены по экземплярам из архивов Г. Е. Померанцевой, В. Н. Тороповой, РГАЛИ, Мемориального дома-музея С. Н. Дурылина. Поскольку в мемуарах имеются частые повторы, неизбежные при воспоминаниях об одном человеке, их пришлось сократить. Небольшие тексты воспоминаний о Дурылине,

встречающиеся в книгах разных авторов, также вошли в сборник, они дополняют основной корпус мемуаров. По этой же причине в сборник включены письма¹ или отрывки из них, записи в зеленом альбоме Дурылина его друзей и близких знакомых, не оставивших специальных воспоминаний о нем. Люди из окружения Дурылина общаются, темы в их письмах переплетаются, создавая единую картину жизни тех лет. В письмах иногда угадывается то, что нельзя было в советские годы сказать открыто. Бытовые зарисовки в воспоминаниях И. А. Комиссаровой, И. В. Ильинского и др. создают фон, на котором протекали дни и годы Дурылина, и оживляют рассказы о нем. Воспоминания сотрудников Дурылина по работе в Институте истории искусств, ГИТИСе и др. в основном написаны сухим, «научным» языком — сказалась привычка к стилю научных статей и оглядка на цензуру советского времени. Вполне естественно, что оставили воспоминания те, кто относился к Дурылину с симпатией, с почтением и пиететом. Но были у него и недоброжелатели. Судя по доступной нам переписке людей из его окружения, таких было гораздо меньше или совсем мало. К таким можно отнести неприязненный отзыв Степуна, который для контраста включен в сборник, и позднее высказывание С. В. Шервинского.

После заключения в Киржаче гражданского брака с Дурылиным С. Н. в паспорте Ирины Алексеевны осталась фамилия Комиссарова. Но в последние годы она подписывала свои

¹ «Письмо — самая свободная и таинственная форма письменного общения людей, самая целомудренная. <...> Человек узнает о человеке что-нибудь правдивое только в письмах, только в том, что человек открывает другому один на один. <...> Умрет письмо — и еще что-то большое, мудрое и ласковое умрет в человеке. Еще меньше любви и человечности станет в сохнущем и вянущем Божьем мире» (Дурылин С. Н. В своем углу / Сост. и примеч. В. Н. Тороповой; предисл. Г. Е. Померанцевой. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 252–254).

документы и письма двойной фамилией Комиссарова-Дурылина. Поэтому мы оставляем фамилию Комиссарова до возвращения из Киржача в Москву, а затем, чтобы не нарушать установившуюся традицию, используем двойную фамилию.

В 1968 году Ирина Алексеевна Комиссарова передала мне тексты воспоминаний с просьбой подготовить сборник к публикации. Когда был организован Мемориальный дом-музей С. Н. Дурылина, я передала в него эти материалы, так как считала, что они должны находиться в архиве музея и я смогу ими пользоваться в любое время. Прошло много лет, только теперь появилась возможность издания такого сборника.

Выражаю благодарность всем, кто оказал мне ту или иную помощь в подготовке этого сборника: Померанцевой Галине Евгеньевне за бесценные консультации и предоставленные материалы, а также Рябовой Елене Васильевне, Кузиной Галине Новомировне, Маянц Лидии Лазаревне, Рашковской Марии Аркадьевне, Тейдер Валентине Федоровне, Горовому Леониду Михайловичу, Тишкиной Татьяне Петровне — за справки и ценные указания, сотрудникам Музейного объединения «Музеи наукограда Королёв» за предоставленную ранее возможность пользоваться материалами архива С. Н. Дурылина в Мемориальном доме-музее С. Н. Дурылина.

К биографии С. Н. Дурылина¹

В Сергее Николаевиче Дурылине (1886–1954) жили и творили одновременно несколько ученых: историк литературы и литературовед, историк театра и театральный критик, религиозный мыслитель и философ, археолог и этнограф,

¹ Подробную биографию С. Н. Дурылина см.: *Торопова В. Н.* Сергей Дурылин: Самостояние. М.: Молодая гвардия, 2014 (Жизнь замечательных людей. Малая серия. Вып. 73).

выдающийся педагог-теоретик и практик. Надо добавить, что он еще был священником. Мог бы состояться как музыковед, знания и музыкальная чуткость это позволяли (достаточно прочитать его воспоминания о А. В. Неждановой, В. Р. Петрове, «В зале консерватории»). К сожалению, не все грани его дарований могли быть раскрыты в предлагаемых воспоминаниях, т. к. в советские годы нельзя было говорить о нем как о религиозном мыслителе, философе, священнике. Об этом могли поведать те, кто писал «в стол» (С. Фудель, И. А. Комиссарова) или дожили до времен, когда об этом стало можно рассказать (протоиерей Владимир Отт, монах Варфоломей). В наши дни этой стороной личности Дурылина занимаются исследователи его творчества, для которых открылись в архивах его «подспудные» в те времена работы, в том числе и неизвестная ранее высокохудожественная проза, проникнутая религиозной тематикой, философским содержанием. Стали известны и его духовные стихи.

О замечательных человеческих качествах Сергея Николаевича рассказывают авторы воспоминаний в этом сборнике. Нет необходимости писать о них в краткой биографии. В ней хотелось лишь наметить его жизненный путь, основные его вехи, на которые тематически ложатся воспоминания.

Родился С. Н. Дурылин 27 (14 ст. ст.) сентября 1886 года в купеческой семье и всю жизнь относился к своему сословию с глубоким уважением. Его радовало, что крестили его в той же купели Елоховского Богоявленского собора, в которой крестили и А. С. Пушкина. А вот то, что родился он в день Воздвижения Животворящего Креста Господня, день всегда постный, видимо, наложило трагический отпечаток на его судьбу. Отец — Николай Зиновеевич Дурылин (1832—1899) торговал в своих двух лавках у Ильинских ворот в Москве шелками и парчой и славился как искусный

специалист в шелковом деле и отменный советчик покупателям в выборе товара. Мать — Анастасия Васильевна Дурылина (урожд. Кутанова; 1852–1914), оставшись бездетной вдовой, вышла замуж вторым браком за 50-летнего вдовца Дурылина с одиннадцатью детьми. Из родившихся у нее пятерых детей выжили только двое: Сергей и Георгий. О родном отцовском доме с большим хозяйством и садом в Плетешках в Елохове, о глубоких православных традициях в семье Сергей Николаевич в последние годы жизни написал подробные воспоминания «В родном углу»¹. После разорения отца в 1896 г. пришлось из собственного большого дома переехать в маленькую съемную квартиру в Переведеновском переулке, где вскоре отец умер. Анастасия Васильевна с двумя детьми и сестрой осталась практически без средств к существованию. За мужа, незадолго до смерти переписавшегося из купеческой гильдии в мещане, она получала очень маленькую пенсию.

Сергей Дурылин, проучившись в 4-й мужской гимназии с 1897 по 1904 год, бросил ее на горе матери, обаянный «честнейшим и бестолковейшим народничеством», посчитав стыдным иметь привилегии, которых не имеет простой народ. Свое отношение к системе обучения в гимназии Сергей Дурылин выразил в статье «В школьной тюрьме. Исповедь ученика»². Он сразу стал зарабатывать репетиторством в состоятельных семьях. Увлекся, под влиянием А. С. Буткевича, революционными идеями, вступил в революционную молодежную организацию, ходил на собрания, писал и расклеивал прокламации. Выросший в религиозной семье, он стал атеистом. Революционного энтузиазма хватило ненадолго.

¹ Дурылин С. Н. В родном углу / Состав. А. Б. Галкин. М.: Никея: Редакция «Встреча», 2017.

² Дурылин С. Н. В школьной тюрьме: Исповедь ученика. М.: Посредник, 1907. (Свободное воспитание и образование / Под ред. И. Горбунова-Посадова. Вып. 9.)

После подавления революции 1905 года в стране наступила реакция, а в 1906 году был убит жандармами близкий друг Сергея Михаил Языков и еще один одноклассник — члены боевой дружины. Дурылин пережил глубокую депрессию, мучительно думал, во имя чего были отданы эти и другие жизни. На «реставрацию себя» (выражение С. Дурылина. — В. Т.), восстановление душевного равновесия ушло несколько лет. К 1910 году вернулся к «вере отцов» и вынес убеждение, что насилие и зло не могут быть средством достижения своей ли, общественной ли цели, и твердое правило: идти по жизни только своим путем, на свой страх и риск. И еще он определил для себя главный закон: не суди! не обвиняй никого! В этом году на его письменном столе появились новые книги — жития святых, творения Отцов Церкви. Усиленно занялся самообразованием, изучением философии, литературы, театра и музыки. В результате стал широкоэрудированным человеком, что отмечают многие его современники.

В 1910 году Дурылин поступил вольнослушателем на археографическое¹ отделение Археологического института, но слушал лекции и на археологическом отделении. Полученные здесь знания² пригодились в дальнейшей работе: в экспедициях на север, в Музее местного края в Челябинске, в Комиссии по сохранению памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры, в организации музеев в Оптиной пустыни и в Абрамцево, в формировании своего богатейшего

¹ *Археография* — историко-филологическая научная дисциплина, объектом изучения которой являются памятники письменности. Это комплексная дисциплина, требующая от ученого владения методикой работы во многих смежных областях: текстологии, исторической грамматики, истории литературы, палеографии и др.

² Перечень предметов, изучаемых в те годы в институте, см.: Тейдер В. Ф. Материалы к биографии С. Н. Дурылина. Творческое наследие С. Н. Дурылина: Сборник статей. М.: Совпадение, 2013. С. 15. Впечатляет список дисциплин, по которым Дурылин сдал экзамены, и все на «отлично».

архива и библиотеки... Другу Всеволоду Разезигу Дурьлин сообщает, что платить за его обучение будут Чернышевы. Окончив полный курс в 1914 году, написал выпускную работу «Иконография Святой Софии». По собственной инициативе, а позже по командировке института Дурьлин совершил пять поездок на Русский Север (1906, 1908, 1911, 1914, 1917)¹. Собранный материал оформился в искусствоведческие и этнографические очерки: «За полуночным солнцем. По Лапландии пешком и на лодке», «Древнерусская иконопись и Олонецкий край», «Под северным небом. Очерки Олонецкого края». В работе «Кандалакшский Вавилон» зафиксировано его уникальное открытие. На полюбившийся ему север он брал с собой своих учеников Николая и Александра Чернышевых, Игоря Ильинского, брата Георгия, друзей В. В. Разезига и Г. Х. Мокринского... Кроме научного интереса север давал утешение, позволял обрести душевный покой. Дурьлин был членом Московского общества исследователей памятников древности им. А. И. Успенского, Архангельского общества изучения Русского Севера и Общества изучения Олонецкой губернии.

С 1905 года Дурьлин работал в штате толстовского издательства «Посредник», а с 1907 года — в журнале «Свободное воспитание», выходившем при этом издательстве тоже под патронажем Л. Н. Толстого. И теперь, досконально изучив опыт российских и зарубежных школ и методики преподавания, Дурьлин будет писать статьи как теоретик педагогики. Правда, к 1912 году он изменит свою

¹ «Я этим летом ездил по Олонецкому краю, по монастырям, деревням, захолустьям, — и я испытывал до жуткости, что если Россия стоит и живет, то живет от святого и за счет святого». / Письмо Дурьлина С. Н. к Розанову В. В. от 06.12.1914 г. / *Резвых Т., Иванькович Л.* «Вы были врач моей тайной боли...»: Переписка Василия Розанова и Сергея Дурьлина (1914–1918 гг.) // История. Научное обозрение OSTKRAFT. № 5. М.: Модест Колеров, 2018. С. 25.

точку зрения на «свободное» воспитание и перестанет писать статьи, придя к выводу, что воспитывать себя и учеников можно, только руководствуясь нравственными законами, которые дает христианство. Однако практику педагога и пастыря продолжит до конца жизни. До 1917 года Дурылин, помимо работы репетитором в разных семьях (это его основной заработок), преподавал в частной гимназии Натальи Евгеньевны Шписс.

В 1909 году Дурылин целый день провел в Ясной Поляне у Толстого. Встреча с Толстым стала вехой на пути поиска внутренней духовно-нравственной опоры. Свои впечатления и мысли он выразил в мемуарах «У Толстого и о Толстом»¹.

Жизнь Дурылина в 1910–1917 годах необыкновенно насыщена участием в духовной и интеллектуальной жизни Москвы. Круг его общения широк. Это философы, религиозные деятели, ведущие писатели и поэты. В 1910 году он пришел в издательство символистов «Мусагет» и стал там «своим человеком». Символизм воспринимал как «особый способ мышления, целостную и стройную теорию познания». К этому времени он уже был поэтом. Стихи писал почти до конца жизни (в основном духовные), но публиковать не стремился. Лишь до революции 1917 года опубликовал малую толику². Дурылин был активным участником и одним из инициаторов создания Ритмического кружка Андрея Белого. «Читаю я публичную лекцию на тему „Лирика и эксперимент“, — вспоминал Андрей Белый, — ответ на которую — появление ко мне тройки молодых

¹ Дурылин С. Н. У Толстого и о Толстом // Прометей: Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». Т. 12. М.: Молодая гвардия, 1980. С. 199–226. Публ. Виноградовой А. А.

² Публикации в альманахе «Лирика» (1913), в «Антологии» («Мусагет», 1911), детские стихи — в детских журналах «Маяк», «Тропинка», «Светлячок».

людей — Дурылина, Сидорова и Шенрока — с предложением организовать под моим руководством экспериментальную студию по изучению ритма; быстро налаживается Ритмический кружок в составе пятнадцати — семнадцати человек»¹. Тройку инициаторов Белый называет «руководящей» в работе кружка. В статье «Академический Лермонтов и лермонтовская поэтика»² Дурылин анализирует рифмы, ритмы и размеры стихов поэта.

Интерес к религиозно-философским проблемам привел Дурылина и в издательство философов «Путь», и в Религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьева³, секретарем которого состоял с 1912 по 1918 год, и в Общество свободной эстетики В. Брюсова, и в Кружок ищущих христианского просвещения, душой и руководителем которого был М. А. Новоселов⁴. Читал доклады Дурылин и в Вагнеровском кружке, который собирался в студии скульптора К. Ф. Крахта. Доклад «Рихард Вагнер и Россия. О Вагнере и будущих путях искусства», прочитанный в 1911 году, вышел отдельной книжкой в издательстве «Музагет» в 1913 году. Мысли Дурылина о религиозных путях

¹ Андрей Белый. Между двух революций. М., 1990. С. 351.

² Дурылин С. Н. Академический Лермонтов и лермонтовская поэтика // Труды и дни. М., 1916. Тетр. 8. С. 96–134.

³ Дурылин прочитал в Религиозно-философском обществе (далее РФО) десять докладов. См.: Соболев А. В. К истории религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева // Историко-философский ежегодник — 92. М., 1994. С. 111.

⁴ Новоселов Михаил Александрович (1864–1938, расстрелян) — религиозный просветитель, духовный писатель, издатель популярной «Религиозно-философской библиотеки» (1902–1917). Основатель и руководитель Кружка ищущих христианского просвещения в духе Православной Христовой Церкви, в котором принимали участие о. Иосиф Фудель, о. Павел Флоренский, С. Н. Булгаков, В. А. Кожевников, Ф. Д. Самарин, С. Н. Дурылин и др. С 1922 г. жил на нелегальном положении. 17 мая 1929 г. арестован ОГПУ. Заседанием «тройки» 17 января 1938 г. приговорен к расстрелу. Причислен к лику святых.

развития искусства в России были одобрительно приняты С. Н. Булгаковым, Э. К. Метнером, Эллисом.

В июне 1912 году Дурьлин побывал на озере Светлояр в Нижегородской губернии, где находится «невидимый град Китеж». Вернувшись, написал «Сказание о невидимом граде Китеже» и «Церковь Невидимого Града», которая получила высокую оценку Императора Николая II. В книге «Рихард Вагнер и Россия» Дурьлин трактовал легенду о невидимом граде Китеже как верховный символ русского народного религиозного и философского сознания. В 1915 году он еще раз побывает у стен Града Невидимого вместе со своим учеником Микой Морозовым, будущим шекспироведом.

В 1914 году Сергей Николаевич пережил душевный кризис, последствия которого на долгие годы определили его жизненный путь. 11 ноября умерла мама Анастасия Васильевна, горячо им любимая. Не в силах справиться с отчаянием, растерянностью, потеряв смысл «своего существования», Дурьлин едет в Оптину пустынь к старцу о. Анатолию (Потапову) за поддержкой. В Оптину пустынь Дурьлин будет теперь наезжать ежегодно вплоть до 1921 года¹.

С начала Первой мировой войны Дурьлин занимал твердую православно-патриотическую позицию. В 1914–1915 годах в Рыбинске, Костроме, Твери, Москве читал лекции, изданные в 1916 году в книге «Лик России. Великая война и русское призвание», в которой война оправдывалась предназначением России сберечь Православие, освободить христианские народы. Для спасения самой России Дурьлин

¹ *Торопова В. Н.* «Дело созидания душевного спасения». К 130-летию со дня рождения С. Н. Дурьлина // Оптинский альманах «Добродетель ангелов». Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина пустынь, 2016. С. 33–62; *Резвых Т. Н.* «Бог даст ли мне Оптину?»: Оптинский дневник Сергея Дурьлина // Христианство и русская литература: Сборник восьмой / Отв. ред. В. А. Котельников и О. Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2017. С. 275–378.

видит только один путь: объединив все христианские народы, «научить их единомысленному исповеданию веры. До этого еще бесконечно далек путь России, но она исполнит свое призвание лишь при условии, если не свернет с этого пути, если, уставая, падая и вновь вставая, будет непоколебимо идти по нему. Первое же и главнейшее условие для этого — ей самой любить больше жизни своей и хранить <...> свое Православие, быть православной Россией»¹. В 1915 году выйдет книга «Град София. Царьград и Святая София в русском народном религиозном сознании».

Издав в 1910–1916 годах несколько книг о Гаршине, статьи о Лермонтове и Лескове, Дурылин временно отходит от чистого литературоведения, его теперь больше занимают вопросы веры, жизнь Церкви. Публикует статьи и брошюры по истории Церкви и церковной жизни. Он член Московского епархиального училищного совета. В 1916 году как член Братства святителей Московских Петра, Алексея, Ионы и Филиппа на общем собрании в покоях владыки митрополита при Чудовом монастыре делает доклад «Церковь, монастырь и старчество в личности и жизни К. Леонтьева». В 1918 году на Богословских курсах читает цикл лекций по церковному искусству. На квартире М.А. Новоселова в Обыденском переулке несколько вечеров читает курс лекций по истории археологии Кремля, устраивает для слушателей посещение соборов. Организует курс лекций «Очерки по философии культа» о Павла Флоренского, который живет в Сергиевом Посаде. «Дорогой отец Павел! Вы, вероятно, предупреждены Мокринским² о том, что вопрос об устройении Ваших

¹ Дурылин С.Н. Лик России // Русь прикровенная / Паломник, 2000. С. 289.

² Мокринский Георгий Хрисанфович (? — февраль 1919) — духовный сын старца Анатолия Оптинского и о. Павла Флоренского, у которого учился в МДА. Принял тайный постриг. Духовно близкий Дурылину человек, его «опора, на учитель, хранитель» (слова Дурылина). Последние

лекций в Москве <...> перешел в фазу осуществления. Помещение уже снято. <...> Желательно устройство 2 лекций в неделю — так, чтобы в течение месяца был прослушан курс в 8 лекций. <...> Надлежащий состав слушателей обеспечен. Билеты не поступают в продажу для всех и каждого, а будут распределены в среде людей знакомых и ведомых. <...> Ответ сей пошлите на имя Сергея Иосифовича Фуделя, который ведет внешнюю часть дела. <...> Да обрадует нас Христос Воскресший. Любящий Вас С. Дурылин»¹.

Дурылин был участником Всероссийского Собора Русской Православной Церкви 1917–1918 годов, присутствовал на открытии Собора², работал в Соборном отделе о духовно-учебных заведениях. А в период подготовки Собора активно включился в церковную жизнь: написал Устав Кремлевского братства, утвержденный на Соборе, издал в 1917 году брошюры «Церковный Собор и Русская Церковь», «Приход. Его задачи и организация». К этому времени он уже автор книг, статей, докладов, превосходный лектор. С 1920 года — член Всероссийского союза писателей.

События в стране после 1917 года воспринял как ужас, трагедию. Хотел укрыться в стенах монастыря, но духовный отец, оптинский старец Анатолий (Потапов), благословения не дал.

В. Н. Торопова

годы жил в Сергиевом Посаде. Умер в клинике для душевнобольных. Дурылин пишет о нем «В своем углу», в дневнике «Троицкие записки» и отмечает «ласковую и строгую спокойность, которая была свойственна ему в последние годы его жизни». РГАЛИ. Ф. 2980. Оп.1. Ед. хр. 1228 и 1229.

¹ *Дурылин С. Н.* Письмо к Флоренскому П. А. от 19.04 (02.05) 1918 г. // Переписка священника Павла Александровича Флоренского и Михаила Александровича Новоселова. Томск: Водолей, 1998. С. 175–176.

² *Дурылин С. Н.* Из «Олонецких записок» / Публ., предисл., коммент. М. А. Рашковской // Наше наследие. 2011. № 100. С. 133–155.

Годы юности
и молодости

БУТКЕВИЧ ТАТЬЯНА АНДРЕЕВНА¹

Сидорова (урожд. Буткевич) Татьяна Андреевна (1887–1983) — искусствовед, сотрудник Академии архитектуры СССР. Друг и корреспондент С. Н. Дурылина с 1903 года до самой его смерти. Жена Алексея Алексеевича Сидорова (1891–1978)². Текст воспоминаний публикуется по экземпляру, подготовленному Т. А. Буткевич в 1975 году для издания. Она просила Ирину Алексеевну опубликовать только этот экземпляр, а все предыдущие считать черновиками. Т. А. Буткевич, остановившись на 1916 году, советовалась с Ириной Алексеевной. Решили, что не следует писать о 1917-м и последующих годах, т. к. этот период в биографии Дурылина (принятие священства, аресты и ссылки) не следовало обнародовать в советские годы. Для воспоминаний Татьяна Андреевна использовала свои дневники тех лет и письма к ней Сергея Николаевича, поэтому они так подробны и точны.

Воспоминания о Сергее Николаевиче Дурылине. 1903–1916

1903 год

В 1900 году умер за границей от туберкулеза первый (по счету) врач, заведующий б<ывшей>Измайловской земской

¹ Буткевич Т. А. Воспоминания о Сергее Николаевиче Дурылине. 1903–1916. Публикуются по экземпляру из архива Тороповой В. Н. Полный текст воспоминаний (с дополнениями из черновых рукописей) опубликован: Галкин А. Б. С. Н. Дурылин — писатель и литературовед. Приложения: Воспоминания о С. Н. Дурылине Татьяны Андреевны Буткевич // Вестник московского образования. 2015. № 3. С. 87–308.

² Биографическую справку о нем см. перед его воспоминаниями.

больницей¹ Ксенофонт Михайлович Языков. Приблизительно тогда же или немного спустя мой отец, Андрей Степанович Буткевич², получил место заведующего врача Измайловской больницы. По крайней мере, в 1901 году мы уже жили на Благуше³, в квартире главного врача больницы. В 1903 году я впервые встретилась с Сергеем Николаевичем.

Как-то раз весной старший сын Ксенофонта Михайловича Языкова, Миша Языков, привел к нам целую группу своих товарищей-гимназистов, учеников 4-й мужской гимназии, кажется, 5-го класса. Среди них был Сергей Николаевич. Сережа был в то время худеньким мальчиком невысокого роста с бледным, необыкновенно серьезным лицом и вдумчивым взглядом. Кажется, он и тогда уже носил очки. Ему было тогда лет 17, на вид он казался моложе. Своей серьезностью, тихостью, внимательностью к собеседнику он выделялся из шумной, веселой компании своих товарищей и сразу обратил на себя внимание. Он понравился моему отцу, который отличил его от других

¹ В настоящее время (с июня 2015 г.) Городская клиническая больница им. Ф. И. Иноземцева — одна из старейших больниц Москвы. С 1901 по 1918 г. (с перерывом в 1906–1909 гг.) возглавлял Измайловскую лечебницу Андрей Степанович Буткевич. В 1917 г. больница была переименована в Благушинскую.

² *Буткевич Андрей Степанович* (1865–1948) — врач. Вместе с братом Анатолием Степановичем был толстовцем, но, в отличие от брата, вскоре отошел от него. Л. Н. Толстой неоднократно хорошо отзывался о Буткевичах, и особенно об Анатолии. Из письма С. Н. Дурылина к Тане Сидоровой (Буткевич) 24 января 1948 г.: «Умер Андрей Степанович. Буткевич. <...> Было время, когда мы с ним были очень близки (1904–1905). <...> Я особенно был признателен ему всегда за его отношение к моей покойной матери. Она верила ему больше всех врачей на свете, и он успешно лечил ее, и в предсмертные ее дни был у нее, но честно мне сказал, что надежды нет» (ОР РГБ. Ф. 599. К. 4. Ед. хр. 37).

³ Так назывался тогда большой район Москвы, лежащий между Семеновской площадью и Измайловским парком. (*Примеч. Т. А. Буткевич.*)

гимназистов, пришедших с Мишей, и впоследствии всегда относился к нему с большей симпатией, чем к другим. Отец был передовым человеком, очень революционно настроенным, начитанным в области политической и экономической литературы того времени. Он получал из-за границы многие нелегальные журналы и читал их громко в нашем семейном кругу матери, мне и некоторым друзьям, постоянно бывавшим у нас. Иногда каждый из нас читал эту литературу в отдельности, и помню, как я — тогда еще девочка лет 14 — уносила эти листки, мелко исписанные на тонкой прозрачной (папиросной?) бумаге, в свою комнату и со вниманием читала их, вдумываясь в каждое слово, как в какое-то откровение. Впоследствии (кажется, в революцию 1905 года) вся эта литература была собрана в ящик и зарыта в палисаднике нашего дома. Мы искали ее потом, да так я не нашли. Не чужд был мой отец, как бывший толстовец, и религиозно-философских исканий. Неудивительно, что для всей этой гимназической молодежи, всегда жадной к знанию, к некоему поучительству, он стал своего рода духовным водителем, авторитетом. Некоторые из этой молодежи стали нас навещать, остались надолго друзьями нашего дома. Самым близким из них стал для нас Сергей Николаевич. Некоторые из мальчиков, может быть, в подражание взрослым революционерам, имели прозвища, под которыми мы их и знали, помимо их настоящих фамилий.

В эти ранние годы я мало что помню о Сергее Николаевиче. Запомнилась мне одна сценка в нашем палисаднике: я стояла у забора, Миша Языков несколько поодаль в палисаднике возился с кем-то из моих младших братьев. Сережа стоял у калитки в палисаднике и как-то долго, задумчиво и, как мне тогда показалось, странно смотрел на меня. Мне казалось, что он видит во мне не меня, а вообще девушку, «Девушку» с большой буквы, и полон

какой-то мечты, вовсе не относящейся ко мне. Мне было не по себе от его взгляда, но продолжалось это всего каких-нибудь несколько минут. Записываю это здесь потому, что какой-то женский инстинкт, присущий, очевидно, даже таким юным годам, не обманул меня: много лет спустя в одном из писем ко мне Сергей Николаевич вспоминал эту сцену и писал о ней так: «Вечерело. Мы были в палисаднике. Миша возился с ребятами, я стоял один у решетки, вы поодаль. Молчали. И в первый раз я испытал тогда радость и грусть светлого женского облика, весеннего, юного...»¹.

Сергей Николаевич уже и тогда писал, писал рассказы, может быть, стихи, вел дневник. Описанную сценку у калитки, по его собственному позднейшему признанию, он тогда же записал в дневник, но дневник этот был утерян или сожжен. О его литературных опытах я узнала так: мама моя просила его приходить помогать мне в математике, которая в то время мне трудно давалась. Я, вообще застенчивая в те годы, очень стеснялась Сережу и мало о чем с ним разговаривала. Но вот как-то раз он принес мне свой рассказ, просил прочесть и сказать — понравилось ли? Рассказ назывался «У фонаря» и отличался большой мрачностью. <...>

Неудовлетворенность, тоска, стремление вырваться из каких-то оков, искание больших ценностей в жизни, по-видимому, уже с этих юных лет были постоянными спутниками внутренней жизни Сергея Николаевича. Первое его письмо ко мне, написанное 23 февраля 1904 года еще не вполне установившимся почерком, свидетельствует об этом; привожу его почти полностью.

¹ Подлинники писем Сергея Николаевича Дурылина ко мне и моему отцу находятся на хранении в Архиве отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина в Москве. Засекречены до 1978 г. (Примеч. Т.А. Буткевич.)